

ГЛАВА 1

Сумерки за окнами давно загустели, и небольшой кабинет Покровского окончательно погрузился в темноту. Лишь письменный стол был ярким пятном, выхваченным из тьмы лучом света от настольной лампы. Хозяин кабинета, восседающий за столом в высоком кожаном кресле черного цвета, был углублен в чтение документов, разложенных перед ним в раскрытой папке. Константин Сергеевич, сложивший руки на краю стола и водрузивший на нос маленькие очки для чтения, походил на профессора до-советской эпохи, аккуратиста и педанта.

Эти два качества и в жизни были ему присущи. Его личный кабинет был обустроен в черных и серых тонах, мебели в нем имелось не много, только самая необходимая. На рабочем столе также не наблюдалось ничего лишнего, только настольная лампа, дорогой письменный прибор с часами и телефон. Покровский держал на столе лишь те документы, с которыми он работал в данный момент. Темно-синий с иголки костюм

сидел на нем как влитой, маленькие золотые запонки на рукавах и заколка на галстук добавляли респектабельности в образ бизнесмена Покровского. Его сильно поредевшие и поседевшие волосы всегда были аккуратно подстрижены и тщательно уложены.

Самому Покровскому нравился такой имидж, он облегчал возможность налаживать нужные связи с людьми из разных слоев общества и одновременно маскировал другие качества, необходимые в бизнесе, — деловую хватку, жесткость и зачастую циничность. Во многом благодаря последним качествам он и добился значительного успеха как в бизнесе, так и в политике.

Однако, отпраздновав свое пятидесятилетие, Покровский осознал, что дела предпринимательские все менее интересуют его и все более перспектив для себя он находит в политической деятельности. Став депутатом Государственной думы по одномандатному округу, Покровский тем не менее примкнул в Думе к новой фракции «Обновление России» и именно в ее рядах собирался продолжать политическую карьеру. К завтрашнему заседанию фракции он теперь и готовился, перечитывая написанную для него речь.

Работу Покровского прервало мягкое треньканье телефонного звонка. Медленно откинувшись в кресле, одной рукой он снял с переносицы очки, другой, так же не спеша, поднял трубку с аппарата.

— Константин Сергеевич? — послышалось в трубке. — Это Логинов говорит, секретарь фракции в Думе...

— Я слушаю вас, Андрей Валентинович, — ответил Покровский.

— Я всего лишь хотел предупредить вас, уважаемый Константин Сергеевич, что завтра заседание фракции состоится не в два, а в три часа дня, — заявил секретарь. — В повестку внесены дополнительные вопросы. Кроме вопроса о дальнейшем партийном строительстве, будет обсуждаться продвижение кандидатов в Совет Федерации от нашей будущей партии, а также вопросы, связанные с... — Логинов на секунду замялся. — В общем, вопросы дальнейшего финансирования программ нашей будущей партии. По всем трем вопросам повестки мы ожидаем услышать ваше мнение как одного из основных докладчиков.

— Да-да, я в курсе переноса времени и готовлюсь выступить по всем означенным вопросам, — поспешил заверить собеседника Покровский. — Как раз этим я сейчас и занимаюсь. Готовлю завтрашнюю речь.

— В таком случае не буду вам мешать, до завтра, Константин Сергеевич, — ответил секретарь.

— До свидания, — задумчиво произнес Покровский, кладя трубку на место.

Он механически вертел в руках дужки

очков, осмысливая только что состоявшийся разговор.

«Надо же, как увязал — и выдвижение кандидатов, и финансовые вопросы, и по всем вопросам им обязательно надо знать мое мнение, — не без иронии размышлял Покровский. — Бабки вам нужны от меня прежде всего, а мое мнение — дело десятое! Уверен, что это все Гуськов, уважаемый лидер думской фракции, мутит воду и впрямую увязывает поддержку фракции на выборах в Совет Федерации и финансирование мною будущих партийных программ. Но мы еще посмотрим, кто кому будет диктовать условия игры. Конечно, статус сенатора по-любому придется купить, но переплачивать за него я не собираюсь... Впрочем, это дела будущие, а пока надо закончить настоящие».

Покровский снова поднял трубку телефона и набрал внутренний номер кабинета своего делового партнера Юрия Григоряна. Он тоже располагался на втором этаже особняка, но в другом крыле. Юрий Григорян был на пару лет моложе Покровского, и в их совместном бизнесе его роль была чуть менее значима. По умению стратегически мыслить и по связям в верхах Григорян уступал Покровскому и, понимая это, чаще всего сосредоточивался на непосредственном руководстве фирмой «Росфинпром».

Их совместная деятельность продолжалась уже девять лет, и, судя по успехам в де-

лах, этот альянс себя оправдывал. Возникающие за это время разногласия всегда преодолевались путем переговоров и убеждения партнера в правильности того или иного шага. Но по мере продвижения Покровского в политику отношения между партнерами становились все хуже, они все реже приходили к полному согласию как по текущим делам, так и по перспективным направлениям развития бизнеса. Последний конфликт тянулся дольше всех предыдущих, и, как ни пытался Покровский убедить Григоряна в правоте предлагаемых решений, достичь договоренности никак не получалось.

— Юрий, ты домой не собираешься? — спросил Покровский, когда Григорян ответил ему.

— Нет, я еще поработаю часок. — Григорян происходил из семьи московских армян, уже несколько поколений ее жили в столице, поэтому характерный акцент совершенно отсутствовал в его речи.

— Похвальное трудолюбие, — улыбнулся Покровский. — А я вот уже собираюсь, время девять, а завтра у меня тяжелый день.

— Поезжай отдохни, приятного тебе вечера и спокойной ночи, — пожелал в ответ Юрий.

— Вечер был бы действительно приятным, если бы ты дал положительный ответ по интересующему меня вопросу, — произнес Покровский.

— Послушай, Константин! — с неожиданной горячностью заговорил Григорян. — Если бы я принял решение, то сообщил бы тебе об этом сам... Но я еще ничего не решил и не собираюсь сейчас говорить с тобой на эту тему.

— Ну, хорошо, не будем сегодня об этом, — устало произнес недовольный Покровский. — Но помни, времени остается немного, тянуть дольше нам с тобой не позволяют обстоятельства.

— Они у нас с тобой разные — и обстоятельства, и дела, — отрезал Григорян и бросил трубку.

Константин Сергеевич поднялся из-за стола и, нервно пройдясь по кабинету, остановился у окна. Начавшийся снегопад словно вывесил за окном прозрачную белую пелерину, и внутренний двор особняка быстро покрылся тонким снежным покровом.

— Ладно, хрен с тобой, упрямая рожа, — наконец вслух произнес Константин Сергеевич. — Все равно этот вопрос мы решим по моему... Пора ехать домой.

Покровский нажал на панели телефона кнопку громкой связи и скомандовал:

— Саша, готовь машину, мы едем.

Через три минуты он, уже одетый в длинное пальто, шел по коридору офиса в сопровождении личного охранника Александра. Они спустились по лестнице в вестибюль и повернули к черному ходу, ведущему

во двор. Первым на уличную лестницу вышел Александр и предупредил Покровского:

— Константин Сергеевич, будьте осторожны, снег еще не убрали, поэтому здесь скользко. Держитесь за перила.

Покровский, осторожно ступая по ступенькам, направился к стоящему недалеко от лестницы «Мерседесу», задняя дверца которого была уже открыта Сергеем, еще одним охранником.

Константин Сергеевич уже миновал половину ступенек на лестнице, как вдруг услышал резкий оглушительный хлопок, донесшийся откуда-то снизу и сзади, из-за спины. В следующую секунду его обволакивающие и одновременно мощно оторвало от ступенек, и он, пролетев по ходу своего движения пару-тройку метров, грохнулся наземь, уткнувшись лицом в снег. Одновременно с ним упали, потеряв равновесие, оба охранника, и стремительно захлопнулась дверца автомобиля. Покровский не потерял сознания, через несколько секунд он поднял голову, с удивлением глядя мутным взором на красные пятна крови на снегу. Окровавленные комки снега прилипли к его правой щеке, лбу и переносице.

Первым очухался Сергей, он стоял за машиной и меньше пострадал от случившегося. Вскочив на ноги, он шатающейся походкой подошел к лежащему шефу и прокричал:

— Константин Сергеевич, вы целы?!
Ничего не болит?! Вы не ранены?!

Он принялся осторожно ощупывать руки и ноги Покровского, внимательно осмотрел, нет ли ран на голове. Тем временем начал отходить от произошедшего и Александр, стоявший во время взрыва рядом с Покровским. Он поднялся на четвереньки, дополз до лежащего шефа и спросил:

— Ну как, все нормально? Ран нет?

— По-моему, только лицо поцарапано, — ответил Сергей, разглядывая физиономию шефа.

— Что это было? — тихим голосом спросил Покровский, приподнявшись и сев на колени.

— Бомба, и, похоже, безоболочная, иначе посекло бы и нас, и машину, — ответил Александр.

Он рывком поднялся на ноги и отправился осматривать лестничный марш, через несколько секунд возвратился и сообщил:

— Я думаю, это была бомба сродни тем, которые спецназ использует при вышибании дверей во время штурма квартир, только помощнее немного. Лестничный марш не цельный, ступеньки железобетонные, прикреплены к бетонным наклонным балкам. За одну из них и прикрепили бомбу. Лестница и приняла на себя основной удар взрывной волны, но, поскольку ступени полые,

отраженная волна прошла сквозь них и ударила нам в спину.

— Похоже, мы очень легко отделались, — вторил ему Сергей. — Но что это было? Нас хотели напугать?

— Или предупредить, — усталым голосом произнес Покровский и с помощью телохранителей поднялся на ноги.

Шоковое состояние начинало проходить, возвращалась ясность мысли, а вместе с ней в душе Покровского закипала дикая ненависть к тем, кто организовал на него покушение. Именно так он считал нужным расценивать произошедшее. В этот момент одно из окон на втором этаже открылось, и в проеме показалась седая голова Григоряна.

— Что там случилось?! — напряженно всматриваясь в лица людей на улице, спросил он. — Что это такое было?!

Покровский, пошатываясь, направился к автомобилю, пролепетав на ходу в ответ:

— Нам еще многое предстоит выяснить, но в любом случае ни к чему хорошему это не приведет.

Он не спеша подошел к «Мерседесу» и собирался уже сесть на заднее сиденье, как вдруг резко развернулся. Смахнув с лица рукавом пальто кровь и снег, он в ярости произнес, обращаясь к Григоряну:

— Значит, так ты теперь ведешь разговор! Вот, значит, какие аргументы ты считаешь допустимым использовать против меня!

Ну, смотри, Юрик. Я уверен, что ты просчитался, и эта ошибка тебе будет дорого стоить.

Спустя час Покровский возвращался домой от доктора, который, не задавая лишних вопросов, обработал и заклеил раны на лице, констатировал легкую контузию у него самого и у его охранника Александра. Пропи-сав им обоим лекарства и настоятельно порекомендовав покой на ближайшее время, врач отпустил пострадавших домой, пообещав Покровскому помалкивать о случившемся.

Уже по пути домой Покровский набрал телефон начальника службы безопасности «Росфинпрома» полковника Винченко.

— Николай Васильевич, это Покровский тебя беспокоит. Ты уже в курсе случившегося? Вот и хорошо. Разберись, откуда эта бомба взялась. Теперь самое главное: то, о чем мы с тобой говорили, надо начинать делать. В противном случае они мне помощнее бомбу подложат. Да, ситуация накаляется, и от тебя во многом зависит, насколько мирным будет наш развод. В общем, действуй.

* * *

— Ну что, Лев Иванович... — Полковник Крячко, засунув руки в карманы форменных брюк, прошелся по кабинету и оста-

новился напротив стола Гурова. — Вечер субботы наступил...

Гуров не моргнув глазом продолжал набирать на компьютере текст докладной начальству, не обратив никакого внимания на своего друга и соратника.

Станислав некоторое время хмуро наблюдал за Гуровым, затем продолжил, словно не прерывался:

— И поскольку трудовая неделя позади, мы вполне можем позволить себе немного... — Стас поискал подходящее слово и нашел его: — Расслабиться.

— О чем это вы, коллега? — Гуров на секунду оторвался от монитора, бросив на Станислава иронический взгляд.

— Я о небольшом сосуде с содержимым очень благородного происхождения, — хитро улыбнулся Стас.

— Не-ет, — решительно запротестовал Гуров и снова принялся щелкать клавишами, набирая текст. — Последний раз ты так расслабился, что я несколько дней слушал по этому поводу весьма лестные выражения моей жены, которая имела удовольствие тебя видеть. Кстати, именно сегодня я иду с ней на юбилейный вечер какой-то ее подруги по театру.

Гуров прекратил набор и задумался, вспоминая, о чем говорила Мария утром.

— Точно сегодня. Она сказала мне, что в семь вечера за мной заедет, — констатировал

Гуров и уточнил вдруг: — Благородный напиток, говоришь?..

— Так точно, — хитро прищурившись, кивнул Стас.

Гуров, ничего не сказав, снова принялся стучать пальцами по клавиатуре, но продолжалось это недолго. Дописав текст и сохранив его, он повернулся к Крячко и, улыбувшись, произнес:

— Ну ладно, давай сюда свой коньяк. Дагестанский небось?

— Обижаешь, — скривил губы Крячко. — Настоящий армянский.

— Где это ты его добыл? — спросил Гуров, наблюдая, как Крячко достает бутылку коньяка из своего сейфа.

— Ты помнишь этого барыгу Бабаджана? Ну, это тот, который...

— Ты что, с дуба рухнул, что ли! — неожиданно возмутился Гуров. — Я же на него материалы передал в прокуратуру, ему статья светила — группа, вымогательство, отмывка денег и что-то там еще.

— Светила, да погасла, — отмахнулся Крячко и принялся открывать бутылку. — Он чуть-чуть этого подмазал, чуть-чуть того, посильнее другого, забашлял подельникам, оплатил им адвокатов, вот и открутился от проблемы. Прошел как свидетель по делу, да и остальным-то не очень много накинули, большинство условным отделались.

■ — И ты у такого хмыря коньяк берешь.

В качестве отступного, наверное? — Лев смотрел на Крячко с явным неодобрением.

— Я купил! — в ответ возмутился Крячко. — Через кассу, как положено, с чеком. Я его только предупредил, что если он мне туфту польскую подсунет, то я его потом найду и усажу на нары.

— Купил, говоришь! — не унимался Гуров. — И чек взял, и показать можешь при случае?

— Слушай, что ты меня как сопливого пацана распекаешь? — обиделся Крячко. — Да, купил, да, через кассу, да, со скидкой.

— Угу, — усмехнулся Гуров. — Все-таки со скидкой.

— Так это не кондиция. Вот здесь вот, видишь, этикетка оторвана, — пояснил Станислав. — Солидный клиент такое уже не возьмет.

— А нам, ментам, любителям халявы, будет в самый раз, — закончил Лев и засмеялся. — Что сержант, что полковник — мент он и есть мент.

— Ну, знаешь ли, если не хочешь, можешь не наливать. Я и без тебя этот коньяк выкушаю. Мы люди простые.

Станислав явно обиделся. Он уже собирался отнести коньяк обратно в сейф, как его остановил окрик Гурова:

— Куда?! Поставь бутылку на место. Я разве говорил, что пить не буду? Немного, но отопью.

Гуров слегка наклонился и из нижнего ящика стола извлек пластиковую тарелку с аккуратно уложенными ломтиками лимона, засыпанными сахаром.

— Не понял, — недоуменно промолвил Крячко, возвращая бутылку на стол. — Ты что это, оказывается, уже подготовился и даже лимон покромсал?

— Видишь ли, Стас, — почти официально начал Гуров, доставая из того же ящика маленькие металлические рюмки. — Свет от твоей настольной лампы, бьющий в мою сторону, не только раздражает меня, но и освещает содержимое твоего сейфа, которое, в свою очередь, хорошо отражается в оконном стекле в темное время суток. Так что, если ты не сидишь на рабочем месте и не закрываешь собой обзор, то при желании можно увидеть, что ты хранишь в сейфе. Во всяком случае, бутылку коньяка узреть можно. К тому же на работу ты приходишь обычно, держа руки в карманах, как пижон, в тех же случаях, когда ты появляешься с портфелем, это значит, что ты принес с собой что-то ценное, о чем не должны знать коллеги. Ну, до определенного момента, конечно. На этой неделе во вторник ты появился с таким багажом. И последнее. Перекладывая в сейфе папки с делами, ты иногда звякал бутылкой о стенки сейфа.

— Ну ладно, угомонись, Шерлок, блин. —
■ Крячко оборвал методичную речь друга, раз-

ливая при этом коньяк по рюмкам. — Лучше скажи, с чего это ты взял, что я тебя поить буду? Может, я это приготовил для визита к прекрасной даме?

— Что касается данного вопроса, — продолжил Гуров, вынимая из ящика большую плитку шоколада, при виде которой Крячко лишь развел руками. — Это как раз проще простого. В поход на женщину ты обычно берешь шампанское и конфеты. Ничего не подделаешь, старая закалка, еще с советских времен. И все это ты кладешь опять же в портфель, коего я сегодня не заметил.

— Ну ты и жучара, — улыбаясь, протянул Станислав и взял со стола наполненную рюмку. — Ладно, поехали, а то скоро благоверная за тобой приедет и увезет в светлый мир искусства.

После выпитой рюмки Гуров, пережевывая лимонную дольку, согласно кивнул и заявил:

— Хорош коньяк, не обманул тебя Бабджан.

— Я и не сомневался в этом, так же как ты в том, что я сегодня с тобой буду пить этот коньяк.

— Не обижайся, Стас, — примирительно произнес Гуров. — Если серьезно, я ведь давно знаю, что у тебя, закоренелого холостяка, вечер перед выходными — это проблема. Пойти некуда, одному сидеть тоже

неохота. Вот ты и готовишь бутылочку коньяка для друзей.

— Мне есть куда пойти и с кем провести время, — гордо заявил Крячко, снова потянувшись к бутылке. — Дамочек одиноких пруд пруди, всегда можно договориться.

— Но, похоже, не сегодня, — прокомментировал Гуров, внимательно наблюдая за тем, как льется в рюмку терпкая жидкость. — Жениться тебе надо бы, барин. Сколько можно бобылем жить?

— А знаешь что, — с видом знатока отмахнулся Крячко. — Каждый раз, когда меня посещает подобная мысль, я иду в гости к какой-нибудь знакомой мне семейной паре и, проведя там вечер, полностью очищаюсь от этого наваждения. Твое здоровье.

Гуров, опрокинув вторую, закусил лимончиком и, пожав плечами, сказал:

— Тогда давай еще по маленькой — и хорош, времени у нас немного.

Едва рюмки наполнились, как дверь без стука открылась.

— Надо же, сколько лет меня здесь нет, а ничего не меняется. Только начальник за дверь, как служивые за рюмку, — заявил гость вместо приветствия.

На пороге кабинета Гурова и Крячко стоял невысокий полный мужчина в сером щегольском плаще, надетом на такого же цвета двубортный костюм, в руке он держал дорогой кожаный портфель, гармонирую-

щий с начищенными до блеска черными ботинками. Однако ни обилие модной одежды, ни полнота не могли скрыть многолетней военной выправки, а во взгляде живых темных глаз проглядывались жесткость и наблюдательность, позволявшие угадать причастность этого субъекта к правоохранительным органам.

— Ну надо же, какие лица мы иногда наблюдаем в наших скромных кабинетах, — развел руками Крячко. — Полковник Винченко, собственной, так сказать, персоной, вырвался из круговерти коммерческой жизни и заглянул-таки к нам на огонек.

— Скорее на стопарик, — с улыбкой ответил Винченко, здороваясь с бывшими сослуживцами. — И признаюсь, что очень рассчитывал на это.

— Не понял, — пожимая руку Винченко, удивился Гуров. — Ты что же это, Николай Васильевич, рассчитывал на то, что мы тут обязательно злоупотребляем?

— Он нас за алкоголиков держит, — сделал вывод Крячко, который с заметной нервозностью воспринял приход неожиданного гостя.

— Нет, конечно. Я вас всегда воспринимал не как алкоголиков, а как трудоликов, — поспешил с пояснениями Винченко. — Конечно, я не думал, что вы здесь распиваете коньяк, поэтому и прихватил с собой на всякий случай кое-что.

При этих словах отставной мент достал из портфеля небольшую плоскую бутылку импортного коньяка. Завидев в руках Винченко дорогой презент, оба хозяина кабинета демонстративно как по команде переменили свое поведение в сторону повышенной любезности.

— Рюмку для господина полковника, — продекламировал Гуров и сам же достал ее из ящика стола. — И стул под задницу дорогого гостя.

— Позвольте ваш плащ, сударь. — Крячко услужливо помог гостю разоблачиться. — Не извольте беспокоиться, повесим на вешалочку, на отдельные плечики. Присаживайтесь, угощайтесь, не побрезгуйте чем бог послал.

— Стол у нас, как видите, не такой обильный, как у вас, людей коммерческих, но, как говорится, чем богаты, тем и рады, — хлебо-сольно вторил Гуров.

Винченко позволил снять с себя плащ, присел к столу и с добродушным укором произнес:

— Ну, хватит тут комедию ломать. У обоих уже головы седеют, а все как дети дурачатесь. Кстати, по поводу закуски я тоже кое-что придумал. Вот тут икорка красная и креветки.

— Ну, это просто по-царски, — сказал Крячко. — Нам, простым ментам, не часто

удается отведать такое, разве что угостят знакомые коммерсанты.

— Слушай, Стас, кончай чушь пороть, — немного обиделся Винченко, но все же выложил на стол закуску. — Какой из меня, к черту, коммерсант?!

— Ну, судя по прикиду, вполне успешный, — миролюбиво произнес Гуров, наполняя армянским коньяком рюмки. — Впрочем, давайте за встречу.

— Вы сами-то как здесь поживаете? — выпив, спросил гость. — По-прежнему числитесь как старая гвардия при генерале Орлове? Я с ним только что в коридоре виделся, хороший он мужик и порядочный. Под ним надежно сидеть?

— Мы, Коля, не только числимся и сидим, мы еще и работаем под его руководством, — ответил Гуров.

— Ты-то как себя без погон чувствуешь? — спросил Крячко. — Не скучаешь по службе в органах? Все-таки лет тридцать отбарабанил в МВД.

— Поначалу скучал, — пожал плечами отставной полковник. — А потом привык. Но вы же знаете, что я по необходимости ушел — дочери требовалась операция, с сердцем не шутят. Вот и пришлось пойти бабки зарабатывать. Ну а потом втянулся. Ко всему хорошему, что новая жизнь несет, привыкаешь быстро. Хорошая машина, одежда, еда, да и сама работа по сути все та же —

людей от проблем оберегать. Просто поисковую собаку перевели на службу в охрану.

— Операцию дочери уже сделал? — спросил Гуров.

— Да, все прошло вроде бы нормально, — кивнул Винченко. — Успели вовремя. Сейчас она отдыхает за границей. Восстанавливается потихоньку, врачи говорят, что все будет хорошо. Нужно только время.

— И деньги, — вставил свое слово Стас. — Операция, лекарства, восстановление за границей — все это, как я понимаю, огромные бабки.

— Да уж, немалые, — подтвердил Николай. — В ментуре я такие деньги зарабатывать не захотел, закалка, видимо, старая.

И Гуров, и Крячко кивнули, поняв, о чем говорит Винченко.

— Спасибо новым хозяевам, кредит дали, как только я к ним перешел. Я по нему только недавно с ними расплатился.

— А ты по-прежнему в этой конторе работаешь, — как ее там? — «Роскомпром» или «Роспром» чего-то там? Ну, там еще два учредителя, один из которых, кажется Покровский, теперь в политику подался, депутатом стал. Это ты у них охрану держишь?

— Нет, — улыбнулся Винченко. — Охраняют их ребята помоложе и пошустрее. Я занимаюсь общими вопросами безопасности — разработкой стратегии безопасности, выделением первоочередных направлений рабо-

ты, принятием превентивных мер, ну и так далее.

— Слушай, непыльная работа у тебя, Коля, — снова заявил Крячко. — Сиди себе в кабинете и разрабатывай стратегию, строй планы.

— Не так все просто, конечно, — усмехнулся Винченко. — Но в целом работа поспокойней, чем у вас. Так что, если есть желание, переходите и вы к нам. Таких людей, с опытом и со связями, многие фирмы на работу возьмут с большим удовольствием. Я могу порекомендовать вас некоторым серьезным людям хоть сейчас.

— Слышь, Лева, может быть, рванем на свободные хлеба? Коля нам протекцию устроит. Будем как люди жить, на джипах новых на работу ездить, костюмы дорогие купим в большом количестве. — Стас мечтательно откинулся на спинку стула, заложив руки за голову.

— Ну, на костюмы у меня и так хватает. — Гуров поправил узелок галстука. — А тебе их покупать нет смысла, ты в них себя неуютно чувствуешь, поэтому и не носишь. А если серьезно, то я тебе, Коля, так скажу — трудно в этом возрасте борзую собаку в сторожевые переучить. Не знаю, как Стас, а я из ментуры, наверное, прямиком на пенсию пойду, в садоводы. Но надеюсь, что и это не скоро произойдет. Я, знаешь ли, больше боюсь помереть от скуки, чем от пули.

— Я тоже в садоводы не хочу, — поспешил заверить Стас. — Да у меня и дачи-то нет. Если только Лев Иванович к себе садовником возьмет.

— А я вот серьезно стал подумывать над этой перспективой, — неожиданно сказал Винченко. — Из «Росфинпрома» я собираюсь уходить в скором времени, это вопрос решенный. Вот помогу учредителям разобраться с некоторыми вопросами и уйду. А дальше подумаю, чем заниматься. Все вроде есть, чтобы спокойно встретить старость.

— Сомневаюсь я, что ты на покой пойдешь. Энергии, я вижу, в тебе хоть отбавляй, да и к заработкам большим привыкаешь. Так что ты, я думаю, еще поработаешь в своей коммерции, — высказал предположение Гуров.

— Может, и так, — пожал плечами Винченко. — Только вот не просто стало эти доходы отрабатывать.

— Что, проблемы на работе возникли? — отбросив шуточный тон, спросил Стас. — Может, тебе помочь силами, так сказать, официальных органов?

— Что-нибудь серьезное? — переспросил, в свою очередь, Гуров.

— Нет, — отмахнулся Николай. — Просто надо помочь двум раздолбаям расстаться, находясь в рамках, так сказать, правового поля. И дать по рукам тем, кто не хочет жить

спокойно и накаляет ситуацию. Со всем этим я и сам справлюсь, не впервой. Но за добрые слова спасибо, ребята.

— Ну, в таком случае пора налить и выпить за старую дружбу. У меня сегодня, к сожалению, времени мало, после работы иду с женой в театр.

Мобильник, зазвонивший в этот момент в кармане пиджака Гурова, подтвердил приближение только что упомянутого события.

— Да, дорогая, — ответил Гуров. — Конечно, помню. Да, жду с нетерпением. Ну о чем ты говоришь? Да, как договаривались, через десять минут у входа. Целую.

— Что это он? — неодобрительно скривив губы, спросил у Стаса Винченко, слушая, как рассыпается по телефону Гуров.

— Я его подставил недавно, — меланхолично ответил ему Крячко.

— А-а-а, — понимающе протянул Николай и тут же замолчал, поскольку Гуров, отключив мобильник, окинул обоих суровым взглядом.

— Мерзавец, имей же ты совесть! — воскликнул Гуров, обращаясь уже к Стасу. — Это я из-за тебя сегодня весь вечер буду наказан!

— Чего это из-за меня, почему это из-за меня?! — начал было возмущаться Крячко, но его прервал Винченко:

— Спасибо вам, мужики, за компанию и

за угощение, но мне, к сожалению, тоже пора. У меня сегодня еще встреча назначена.

Гуров и Крячко моментально прекратили ругаться и обратили внимание на бывшего сослуживца. Неожиданно Лев Иванович спросил его:

— Слушай, Николай, а ты чего заходил-то? Может, узнать чего-то хотел?

Винченко секунду-другую молчал, затем, рассмеявшись, произнес:

— Нет, мужики, ничего мне от вас не надо. Все, что я хотел узнать, я узнал у других людей, а к вам я зашел просто посидеть за коньяком. Вас угостить, вспомнить прошлое и о жизни потрындеть. Жаль, что времени мало на это.

— Может, в другой раз соберемся где-нибудь и нормально посидим, без спешки, так сказать, — предложил Крячко. — Можно у меня, к примеру.

— Идея мне нравится, — подтвердил Гуров. — Предлагаю созвониться в ближайшее время и забить стрелу.

— Поддерживаю полностью, — с энтузиазмом сказал Винченко. — И, в свою очередь, приглашаю вас к себе домой. Где меня найти, вы помните. Свои телефонные номера не называю — вы все-таки менты, поэтому и сами легко выясните. Хорошо бы на следующей неделе и встретиться.

Когда Гуров и Крячко вышли на улицу, Мария уже ждала их у входа в главк, нетерпеливо притаптывая каблучками ноябрьскую слякоть, спрятавшись от порывистого ветра за высоко поднятым воротником.

— Стас! — протянула она, заведев обоих полковников милиции. — Если ты не прекратишь разваливать мне семейную дисциплину, я тебя женю. На одной из своих подруг, на актрисе — самовлюбленной неврастеничке, нимфоманке, бездарной домохозяйке. Мы все такие, и тогда жизнь твоя превратится в каждодневный кошмар и пытку!

— Все, я больше не могу слушать эти ужасы, иду ловить для вас такси, чтобы поскорее сплавить в храм высокого искусства, — прервал ее Стас и направился к обочине.

— Ты хоть понимаешь, насколько увеличила дистанцию между Стасом и его семейной жизнью? — улыбаясь, спросил Гуров у жены и, обняв ее за плечи, прижал к себе.

— Гуров, холодно на ветру стоять, — прекратив разыгрывать мегеру, ответила Мария. — Я здесь мерзла, а вы там коньяк кушали в тепле. Нет бы пригласить даму!

— Какой коньяк? — удивленно округлил глаза Гуров.

— Милый ты мой, — вздохнула жена, — преступления раскрывать умеешь, а скры-